

УДК 343.2.01

В.Е. Лоба

«РЕЦЕПТЫ» БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА

Социологическая школа уголовного права, основанная в 1888 г. профессорами: немецким Ф. Листом, бельгийскими А. Принсом, голландским Ван-Гаммелем, представляла собой своеобразный компромисс между классической и антропологической школами. В статье делается вывод о том, что идеи социологической школы уголовного права, оставшиеся до конца неоцененными, ныне требуют нового анализа как его недостатков, так и достоинств. В связи с этим автор полагает необходимым осветить наиболее концептуальные положения этой школы, отразить их значимость для современной науки и практики уголовного права.

Ключевые слова: *социологическая школа уголовного права, наказание, преступность.*

Не может вызывать сомнений то, что зарождение научных юридических направлений (школ), как правило, связано с конкретной личностью либо личностями, которые благодаря своему таланту и научному предвидению во многом определяют дальнейшее развитие этих направлений (школ). Рождение так называемой социологической школы уголовного права (по иной терминологии – «третья школа», «школа критического позитивизма», «школа критического натурализма» и др.), провозгласившей лозунг о необходимости практического решения проблем борьбы с преступностью, традиционно связывают с именем известного математика, физика и астронома А. Кетле. 9 июля 1831 г., выступая с докладом на заседании Бельгийской королевской академии, на основании статистических исследований он доказал тесную зависимость преступности от социальных условий¹. Официальный орган социологической школы уголовного права – Международный союз криминалистов², основанный в 1888 г. профессорами Ф.ф. Листом (Германия), Г.А. Ван-Гаммелем (Голландия) и А. Принсом (Бельгия). При этом Ф.ф. Лист составлял центр, Г.А. Ван-Гаммель образовывал левую, стоя ближе к антропологической школе (чистый детерминист, за существование неисправимых преступников и за неопределенные приговоры), а А. Принс – правую, будучи ближе к классической школе (за относительную свободу воли, против неопределенных приговоров и т.д.) [2. С. 55]. К этой школе примыкали французские «социологи» и криминалисты (Г. Тард, А. Лакассань³ и др.).

¹ Не оспаривая роли А. Кетле для европейской науки, ради восстановления исторической правды смею напомнить, что намного раньше А. Кетле наш соотечественник А.Н. Радищев в своей малоизвестной работе «О законоположении» (1802 г.), выступая против несправедливости и произвола феодального крепостнического государства, считал, что разработка новых, гуманных законов возможна только тогда, когда в распоряжении «комиссии» будет находиться полноценный статистический материал, правдиво освещающий объем и виды преступности, ее причины, осуществление правосудия, а также ряд других правовых и экономических вопросов [1. С. 88–89].

² Просуществовал до 1914 г. и провел 12 съездов.

³ Широко известен высказанной в 1885 г. на I Международном конгрессе антропологов в Риме фразой: «Каждое общество имеет тех преступников, которых оно заслуживает».

В России идеи «социологов» нашли отражение в диссертационных исследованиях М.Н. Гернета [3], Е.Н. Ефимова [4], А.А. Жижиленко [5], А.Д. Кисилева [6], С.П. Мокринского [7], А.А. Пионтковского (отца) [8], С.В. Познышева [9], С.Н. Тимашева [10], М.П. Чубинского [11], в работах И.Я. Фойницкого [12] и других виднейших ученых конца XIX – начала XX в.¹

Социологическая школа имела четко обозначенную цель – совершенствование законодательства для борьбы с преступностью, для чего требовалось кардинальным образом реформировать уголовное право и уголовное судопроизводство. «Вместо теоретического уголовного права, – утверждал Г.А. Ван-Гамель, – мы должны создать уголовное право практическое. В этом состоит наша работа, это наша цель. Три понятия страшно мешают нам в этом... А именно: «вменяемость», «наказание» и «преступление»... Когда мы, наконец, от них освободимся, тогда все пойдет лучше» [13. С. 89–90].

Для этого ее представители, в отличие от антропологической школы, рассматривающей преступление как явление биологическое, и от классической школы, исследующей лишь юридическую сторону преступления, используя идеи утопического социализма, в объяснении причин преступности решающее значение придавали социальным факторам².

«Социологи» полагали, что успешная борьба с преступностью напрямую связана с предупреждением преступлений, для чего в первую очередь необходимо изучение корней преступности. Так, по мнению Ф. ф. Листа, преступление как социально-патологическое явление становится неизбежным результатом взаимодействия двух больших групп факторов: индивидуальных особенностей преступника и социальных с доминированием последних, в особенности экономических [15. С. 73]. С доминированием экономических факторов преступности соглашались Г. Ашаффенбург [15], Х.М. Чарыхов [16].

Весьма любопытную позицию высказал Н. Коляни, который, объясняя преступность экономическим фактором, допускает возможность нравственного атавизма. «Под нравственным или психическим атавизмом автор понимает возврат человека какой-либо расы в отношении его характера к уже пройденной эпохе эволюции» [17, С. 357].

Из трехчленной классификации факторов преступности исходят А. Принс (социальные, естественно-физические и индивидуальные) [18. С. 12–66]; Э. Ферри (антропологические, физические и социальные) [19. С. 123]; И.Я. Фойницкий (космические, общественные и индивидуальные) [12. С. 40–42].

¹ Белогриц-Котляревский Л.С. Новые направления в уголовном правоведении // Журнал Министерства Юстиции. Январь – Февраль 1903. СПб., 1903. 178 с.; Гернет М.Н. Детоубийство. Социологическое и сравнительно-юридическое исследование. М., 1911. 322 с.; Дриль А. Малолетние преступники. Этнод по вопросу о человеческой преступности, ее факторах и средствах борьбы с ней. М., 1884. Вып. 1. 318 с.; Набоков В.Д. Об «опасном состоянии» преступника как критерии мер социальной защиты. СПб., 1910. 38 с.; Полянский Н.Н. Стачки рабочих и уголовный закон. СПб., 1907. 411 с. и др.

² Надо заметить, что деление научных школ уголовного права на классическую, антропологическую и социологическую носит весьма условный характер, поскольку, например, «классик» Н.С. Таганцев в своей магистерской диссертации «О повторении преступлений», отказавшись от анализа ряда уголовно-правовых категорий с позиции формализма классической школы, использует методiku, характерную для социологической школы; Э. Ферри известен как представитель антропологической и социологической школ уголовного права, а С.В. Познышев вообще позиционировал свою теорию как синтез классической, антропологической и социологической школ.

Обобщая точки зрения, мы видим, что преступность ставится в прямую зависимость от физических, индивидуальных и социальных факторов, характеризующихся одновременным и однопорядковым действием на преступность.

К физическим факторам, влияющим на преступность, относятся: географические, климатические, погодные, временные и другие условия.

Группу социальных факторов составляют: социальное положение, жилищные условия, профессия преступника, бродяжничество, алкоголизм, проституция и т.д. Так, в частности, теснейшую связь алкоголизма с преступностью отмечали Д.А. Дриль [20. С. 420] и С.В. Познышев [21. С. 91].

И.Я. Фойницкий к индивидуальным факторам преступности относил волю, разум, состояние морали, правовых воззрений и т.д. [12. С. 42–46]. Справедливости ради следует отметить, что индивидуальные факторы преступности признавались и представителями других школ. В частности, еще «классик» Н.А. Неклюдов свою магистерскую диссертацию «Уголовно-статистические этюды; этюд первый» посвятил выяснению на основании статистических данных влияния возраста человека на совершаемые им преступления [22].

Выяснение причин преступности поставило перед социологической школой такой вопрос: почему при действии одних и тех же факторов один человек совершает преступление, а другой – нет? Сделав объектом исследования личность преступника, Международный союз криминалистов на своем съезде в 1897 г. установил деление преступников на три группы: 1) преступники под влиянием минуты (случайные); 2) преступники, само преступление и прошлая жизнь которых показывают, что в силу недостаточной индивидуальной организации воспитания или позднейших влияний способность виновного подчиняться существующим нормам значительно ослаблена; преступники, по отношению к которым можно быть уверенным, что денежный штраф или кратковременное заключение не окажет на него надлежащего действия; 3) преступники, относительно которых нет надежды на возвращение к нормальной общественной жизни [15. С. 159–160].

В свою очередь, получило широкое распространение предложенное Ф.ф. Листом деление всех преступников на две группы: случайные, совершающие преступление под действием внешних условий, и постоянные (привычные), совершающие преступление в силу внутренних свойств, чаще всего психических аномалий. В то же время между постоянными (привычными) необходимо различать способных к исправлению и неисправимых [14. С. 73–75].

В зависимости от категоризации преступников «социологами» предлагается индивидуализация наказания. Так, в частности, случайные преступники, в действиях которых преобладает индивидуальный фактор, должны наказываться более мягко с целью их исправления и перевоспитания (ресоциализации): как можно реже применять тюремное заключение, заменяя штрафами или обязательными работами; широко применять условные осуждение и освобождение. Социологическая школа стоит на позиции более снисходительного отношения к случайному преступнику «независимо от важности нарушенного им блага и достигнутого преступлением результата, и на примене-

нии к этому преступному классу наказаний иного рода, чем к преступникам привычки» [2. С. 2].

Что касается привычных преступников, сделавших себе из преступления профессию, то они подразделяются еще на две группы. В первую входят те, которых погубила заброшенность, слабость воли, лень и инертность. Многим из них социальное воспитание, соревнование, надзор могут принести пользу, и общество обязано сделать все возможное для этого. Вторую составляют настоящие профессиональные преступники, поэтому они представляют социальную опасность. «Это отбросы человечества, гангрена социального тела... пусть устраивают для них небольшие мастерские с неограниченным сроком заключения, с суровой дисциплиной, с минимальным вознаграждением за труд, с особенной одеждой, а в случае надобности и с одиночными камерами для неподдающихся дисциплине» [23. С. 173–176]. На Копенгагенском конгрессе Международного союза криминалистов (1913 г.) принимается резолюция, требующая введения системы неопределенных приговоров в отношении «привычных преступников». Применительно к ним суд должен был назначать наказание в виде лишения свободы с указанием минимального срока. По отбытии этого минимума вопрос о дальнейшем пребывании преступника под стражей должен время от времени рассматриваться специальной комиссией¹.

Для такой категории преступников, как душевнобольные, необходимы специальные приюты, где они не будут смешиваться с обычными душевнобольными и обывочными преступниками [23. С.177].

Сторонники социологической школы были убеждены, что для успешной борьбы с преступностью наказание должно быть приспособлено к деятелю, а не к действию. И в качестве средства этой борьбы большинством «социологов» предлагалось рассматривать наказание не как возмездие, кару, а как «меру социальной защиты», принимаемую государством в связи с «опасным состоянием личности». По мысли А. Принса, признание опасного состояния личности позволяет, отбросив сбивчивые философские рассуждения, заняться действительными мерами защиты вместо того, чтобы налагать наказания, ставшие бесполезными ввиду того, что они вызваны ложными противоречивыми идеями [18. С. 113–114].

Концептуальный смысл теории опасного состояния заключается в том, что в обществе есть люди, «дефективные, не поддающиеся действию обыкновенных средних мотивов поведения, господствующих в данном строе. Эта дефективность определяется или какими-либо органическими пороками (такие болезненные склонности, как алкоголизм, мании, неврастения и т.д.), создающими так называемую «уменьшенную вменяемость», либо недостатком социального воспитания (преступные дети и подростки, или с прочно усвоенными на почве социального вырождения социальными пороками (развратом, привычкой к праздности, эксплуатации других и т.д.). Во всех этих случаях действие наказания, рассчитанного на мотивы страха, оказывается эфемерным [24. С. 21–22].

¹ Люблинский П. Международные съезды по вопросам уголовного права. Петроград, 1915. С. 164. Цит. по: Решетников Ф.М. Уголовное право буржуазных стран. Вып. II: «Классическая» школа и антрополого-социологическое направление. М., 1966.

Парижское совещание центрального бюро Международного союза криминалистов определило четыре категории опасных лиц: 1) опасные рецидивисты; 2) нищие и бродяги; 3) психически-дефективные преступники и 4) преступники-алкоголики. К сожалению, не нашли себе места в этой категории юные профессионалы, которые прежде всего должны быть признаны находящимися в опасном состоянии [25. С. 192].

После долгих дискуссий о моменте установления основания для применения превентивных мер возобладала точка зрения, что «преобразования в уголовном праве заставляют нас признать опасным состоянием даже там, где нет еще преступника, и право вмешательства государства даже туда, где нет ни преступления, ни проступка» [18. С. 131].

В целях защиты общества от носителей «опасного состояния» в качестве правовой реакции государства была предложена система превентивных «мер социальной защиты» (по иной терминологии, «меры социальной безопасности», «меры социальной охраны», а также «меры социальной репрессии»), рассматриваемых как самостоятельный институт, существующий наряду с наказанием [26. С. 41]. Меры социальной защиты разделялись на две основные группы. С одной стороны, это меры приспособления, объем и содержание которых определяются исключительно индивидуальными особенностями личности, находящейся в опасном состоянии, и направлены на устранение причин опасного состояния (лечение, воспитание, приспособление к труду, исправление). Другую группу представляют меры принуждения, которые направлены исключительно против возможных последствий (заключение под стражу, высылка, надзор) [13. С. 100–101]. Целью этих мер, по выражению Ф. ф. Листа, является «обезвреживание неисправимых, исправление исправимых» [27. С. 57].

В нашу задачу не входит даже краткое дублирование критики взглядов социологической школы, имеющейся на страницах известной нам дореволюционной и последующей научной литературы, поэтому ограничимся мнением о реакционном смысле идеи «опасного состояния», заключающейся в том, что «при классовом устройстве государства ... «социально-опасным» будет признаваться и тот, кто представляется в действительности опасным лишь для определенного класса» [17. С. 457]. Однако бег времени как бог времени – неумолим, жесток, но... справедлив и вот сейчас, основываясь на серьезных данных статистических и социологических методов исследования преступности, а также собственных эмпирических исследованиях, автор может смело говорить, что ныне подтверждается постулат социологической школы о прямой зависимости роста преступности от социальных факторов, в особенности от тяжелого финансово-экономического бремени общества. Как тут не согласиться с утверждением представителей социологической школы о «вечности» преступности, вызывающейся причинами физического, индивидуального и социального характера, с доминированием последних.

Как и социологическая школа уголовного права, отечественная криминология, кстати, прошедшая путь от объявления лженаукой до признания теоретической основой для законодательства и практики борьбы с преступностью, одной из своих задач на современном этапе ставит изучение общих причин и некоторых особенностей в причинах преступности, личности пре-

ступника как совокупности социально-психологических свойств и качеств человека.

Возрождается из небытия и нуждается в современной корректировке и теория опасного состояния личности. И это, разумеется, вполне закономерно, поскольку государство с тысячелетней историей, выстоявшее в тяжелейших испытаниях, ныне не справляется с ростом преступности, в самых изощренных формах расцветшей на останках сельского хозяйства и промышленности, на фоне деградации науки и образования, обскурантизма. И пьянство, и алкоголизм, и наркомания традиционно рассматриваются в ряду основных причин совершения многих конкретных преступлений. Весь опыт борьбы с этими распространенными негативными социальными явлениями общества показывает, что только с помощью уголовно-правовых мер эту проблему не решить. В свое время в СССР функционировали лечебно- трудовые профилактории (ЛТП), созданные для принудительного лечения и трудового перевоспитания хронических алкоголиков и лиц, страдающих наркоманией. Как бы там ни было, но определенные позитивные результаты достигались. Тем не менее в 1993 г. ЛТП были ликвидированы. В итоге – функция по принудительному лечению этих носителей «опасного состояния» от государства перешла к различным общественным организациям типа «Город без наркотиков», в которых избавление от наркозависимости осуществляется в достаточно уродливой форме. В свете сказанного не видим ничего плохого в возвращении государством этой меры административно- медицинского характера, приспособив ее к современным требованиям.

Вряд ли стоит отрицать, что из теории «опасного состояния личности» выросли, например, такие известные доктрине и закону институты, как рецидив преступлений, судимость¹, принудительные меры медицинского характера и воспитательного воздействия.

И еще одно предложение, вытекающее из теории опасного состояния личности. С.Ф. Милюков и Д.А. Корецкий в качестве «рецепта» борьбы с беспрецедентным валом преступности, предлагая развитие внесудебных репрессий на законной основе, небезосновательно полагают, что работники правоохранительных органов, применяя репрессивные меры на законных основаниях, в таких случаях наказывают, в том числе и смертной казнью, преступников в рамках необходимой обороны [28. С. 112–114]. В свою очередь, проживание на Северном Кавказе и общение с его жителями различных национальностей и религий не оставляет для автора никаких сомнений в совершенной неэффективности современной системы борьбы с преступностью, приобретающей все более опасные общественные формы, приводящей к многочисленным бедствиям и жертвам. Вот почему, на наш взгляд, при невнятной национальной и региональной государственной политике предложение столь уважаемых ученых выглядит вполне адекватной мерой борьбы с преступностью в соответствии с общественной потребностью.

¹ Интересно, что проект договора Новгорода с городом Готландом (1270 г.) и Двинская уставная грамота (1397 г.) содержали указание на применение простого пятнания или клеймение в отношении осужденных воров. Это обстоятельство можно расценивать как первую попытку выделения лиц, находящихся в опасном состоянии.

Вероятно, кто-то не согласится с этими мыслями, объявив их, по меньшей мере, незрелыми, наивными. Не отрицая последнего, все же нельзя не узреть того, что в свете суровых реалий роста преступности в России идеи социологической школы уголовного права, предложившей свои рецепты борьбы с преступностью, ныне требуют нового анализа и оценки, свободных от праздничного глянца и политической ретуши.

Литература

1. *Остроумов С.С.* Общая теория статистики // Ученые записки Московского юридического института / под ред. проф. А.Н. Константинова. М., 1949. Вып. 4. 105 с.
2. *Пржевальский В.В.* Профессор Франц Лист и его основные воззрения на преступления и наказание. СПб.: Изд-во В.В. Пржевальского, 1895. 58 с.
3. *Гернет М.Н.* Социальные факторы преступности. М., 1905. 203 с.
4. *Ефимов Е.Н.* Природа преступления. Методологическое исследование Евгения Ефимова. Естественнаучная теория преступления. М., 1914. 390 с.
5. *Жижиленко А.А.* Наказание. Его понятие и отличие от других правоохранительных средств. Петроград, 1914. 676 с.
6. *Кисилев А.Д.* Психологическое основание уголовной ответственности. Харьков, 1903. 312 с.
7. *Мокринский С.П.* Наказание, его цели и предположения: в 3 ч. Ч. 1: Общее и специальное предупреждение преступлений. М., 1902. 157 с.; Ч. 2: Значение результата. Томск, 1902. 291 с. Ч. 3: Казуальный и потенциальный моменты действия. Томск, 1905. 552 с.
8. *Пионтковский А.А.* Об условном осуждении или системе испытания. Уголовно-политическое исследование А. Пионтковского, прив.-доц. Новорос. ун-та. Одесса, 1894. 191 с.
9. *Познышев С.В.* Основные вопросы учения о наказании. Исследование прив.-доц. Имп. Моск. ун-та С.В. Познышева. М., 1904. 407 с.
10. *Тимашев С.Н.* Условное осуждение. СПб., 1914. 558 с.
11. *Чубинский М.П.* Очерки уголовной политики. Понятие, история и основные проблемы уголовной политики как составного элемента науки уголовного права. Харьков, 1905. 535 с.
12. *Фойницкий И.Я.* Учение о наказании в связи с тюремоведением. СПб., 1889. 503 с.
13. *Станкевич В.Б.* Борьба с опасным состоянием как основная задача нового уголовного права // Новые идеи в правоведении. Периодическое издание, выходящее под редакцией Л.И. Петражицкого: Сборник первый: Цели наказания (Составлен профессором П.И. Люблинским). СПб., 1914. 124 с.
14. *Лист Ф.Ф.* Учебник уголовного права. Общая часть: Разрешенный автором перевод с 12-го переработанного издания Ф. Ильяшевича. С предисловием автора и проф. Моск. университета М.В. Духовского. М., 1903. 358 с.
15. *Ашафенбург Г.* Преступление и борьба с ним. Уголовная психология для врачей, юристов и социологов (К вопросу о реформе уголовного законодательства): пер. с нем. под ред. и с предисл. Я.Л. Сакера. Одесса, 1906. 243 с.
16. *Чарыхов Х.М.* Учение о факторах преступности. Социологическая школа в науке уголовного права / предисловие М.Н. Гернета. М., 1910. 167 с.
17. *Гернет М.Н.* Преступление и борьба с ним в связи с эволюцией общества. М., 1914. 478 с.
18. *Принс Ад.* Защита общества и преобразование Уголовного права: пер. с фр. Е. Маркеловой / под ред. и с предисл. проф. Г.С. Фельдштейна. М., 1911. 167 с.
19. *Ферри Э.* Уголовная социология. Сочинение проф. римского университета Энрико Ферри. Ч. II: пер. с 4-го итальянского издания с предисловиями к русскому изданию Э. Ферри и Д.А. Дриля. СПб., 1912. 478 с.
20. *Дриль Д.А.* Учение о преступности и мерах борьбы с нею / с приложением портрета автора и статей М. Слободянина, академика А.Ф. Кони, профессора Максима Ковалевского и академика В.М. Бехтерева. СПб., 1912. 702 с.
21. *Познышев С.В.* Алкоголизм как фактор преступности с диаграммами в тексте. М., 1915. 98 с.
22. *Неклюдов Н.А.* Уголовно-статистические этюды. Рассуждение, написанное для получения степени магистра уголовного права Н. Неклюдова. Этюд 1: Статистический опыт исследо-

вания физиологического значения различных возрастов человеческого организма по отношению к преступлению. СПб., 1865. 251 с.

23. *Принс Ад.* Преступность и репрессия. Уголовно-юридический очерк: пер. под ред., с предисловием и примечаниями В.В. Пржевальского. М., 1898. 245 с.

24. *Люблинский П.И.* О действии наказания // Новые идеи в правоведении. Периодическое издание, выходящее под редакцией Л.И. Петражицкого. Сборник первый: Цели наказания (Составлен профессором П.И. Люблинским). СПб., 1914. 124 с.

25. *Люблинский П.И.* Парижское совещание центрального бюро союза криминалистов // Журнал уголовного права и процесса, издаваемый при Русской Группе Международного Союза Криминалистов. СПб., 1912. № 3.

26. *Жижиленко А.А.* К вопросу о мерах социальной защиты в отношении опасных преступников // Журнал уголовного права и процесса, издаваемый при Русской Группе Международного Союза Криминалистов. СПб., 1912. № 3.

27. *Лист Ф.Ф.* Наказание и его цели: пер. с нем. СПб., 1895. 72 с.

28. *Корецкий Д., Милуков С.* Внесудебная репрессия как законный способ борьбы с преступностью // Уголовное право. 2004. № 1. 120 с.